

«И последние станут первыми...»

Двадцать лет назад почил в Бозе духовник газеты «Завтра» священник Димитрий Дудко

Величайший дар от Бога — быть русским человеком.
Священник Димитрий Дудко

ЖИЗНЬ СВЯЩЕННИКА Димитрия Дудко условно можно разбить на два периода, разделённых его публичным покаянием перед советским государством: с 1961 по 1980 год — "проповеднический", или "слава земная", а после середины 1980 года — "исповеднический", или "проповедь через позор". Своеобразному катарсису отца Димитрия способствовало его полугодовое заключение в "Лефортово" и примирение с "гонителями" через отказ от политической деятельности, от борьбы с советской властью. Об этом очень важном моменте подробно порассуждаем чуть позже, а пока немного о начале его служения и времени подъёма, широкой популярности не только в СССР, но и за рубежом.

Отец Димитрий в молодости был диссидентом, с 1948 года отбывал наказание в городе Инте, который находится в 2000 километрах от Москвы. Трудился на угольной шахте и носил номер К-956. Выйдя на свободу в 1956 году, он окончил духовную академию и был рукоположен в 1960 году в храме на Добрынке.

Пастырское служение отец Димитрий начал в столичном храме на Преображенской площади. И сразу же обратил на себя внимание верующих своей открытостью, добротой, стремлением к правде и бесстрашием проповедей, по чему так истосковались люди. Он был не такой, как другие, признавались его прихожане. А с декабря 1973 года после субботней службы он начал проводить коллективные беседы. Вот как об этом пишет английский журналист Оливер Буллоу: "Обсуждения записывались, печатались и передавались из рук в руки. Они были чрезвычайно популярны, и они утвердили отца Димитрия как звезду религиозных диссидентов.

Довольно скоро записки его проповедей просочились за железный занавес на Запад. Эмигрантские издатели печатали их, переплетали и отсылали обратно со своими тайными курьерами. Это помогло укрепить позиции отца Димитрия, особенно когда его имя стало появляться на Би-би-си и "Голосе Америки""*, радиостанциях, которые диссиденты слушали в частном порядке и называли просто "голосами"... В политическом плане он тогда был наивен. И очень доверчив от наличия в нём любви многой. Поэтому его смогла использовать в своей политической игре некая могущественная сила, которая, как отец Димитрий понял позже, его "сначала подняла, а потом так же опустила".

За деятельность отца Димитрия органы наблюдения где-то с середины 70-х годов, а в "разработках", судя по всему, он попал к концу 70-х. Так что материалов для его ареста, думается, хватало. И отец Димитрий это чувствовал: "Это так хорошо, и это так страшно. Это не может долго оставаться таким хорошим в таких обстоятельствах".

Сеть вокруг Дудко затягивалась всё туже... Он фактически бросил вызов государственной власти, открыто призывая к саботажу.... Поэтому и не было ничего удивительного в том, что за отцом Димитрием вскоре пришли люди из тех государственных органов, которые в своё время были созданы как раз для борьбы с контрреволюционерами, спекулянтами и саботажниками.

Когда 15 января 1980 года отца Димитрия арестовали, он сказал: "Пришёл умирать!" На что "душители свободы" спокойно, но твёрдо ответили ему: "Этого мы тебе сделать не дадим!" Они вели себя по отношению к арестованному Дудко гуманно: не били, не стращали, психотропными не кололи, многочасовыми допросами не мучили, нормально кормили. Дали время спокойно всё обдумать.

Первые шесть недель заключения в "Лефортове" Дудко отказывался общаться со следователем. Это были шесть недель мучительных раздумий, сомнений и тревог за оставшихся на воле близких: семью и духовных детей — как они там?

И очень важно здесь было то, что он не только поставил себя на место следователей (которых впоследствии жалел), но и настроил себя изначально на общение с ними не как с непримиримыми врагами (образ которых лепили и демонизировали не один год), а как с людьми, выполняющими свою работу по защите государства. Да, они могут быть неправы, коварны, но они такие же люди, то есть образ и подобие Божие. А то, что даже у самых жёстких чекистов есть душа, которая зачастую скрывается под злобной маской, отец Димитрий разглядел ещё при первом своём аресте в 1948 году. К тому же они были русские люди — пусть и атеисты, но русские! Да и атеисты бывают разные, но "атеисты есть по убеждению... и они, может быть, ближе к вере, чем некоторые верующие".

Возлюбить своих врагов — это не благое желание, это важная заповедь Спасителя, данная нам именно как руководство к действию, к совершенствованию человека. Это с одной стороны. А с другой стороны, такие заповеди блаженства, как "блаженны миротворцы" и "блаженны милостивые", "кроткие", надо исполнять прямо сейчас, а не потом когда-нибудь. Попытайтесь понять другого человека, взглянуть на ситуацию с его стороны. Быть готовым на уступки и т. д. Но и критически взглянуть на себя, оценить: а может, в чём-то и я неправ?

Неискушённости в реальной политике, её подоплёке, священнику чекисты на многое раскрыли глаза. И главное — нужно было им даже не поверить (хотя, думается, их аргументы были весомыми, как и информация, которой они владели и делились с отцом Димитрием), а рискнуть довериться, конечно, положившись на Бога. А доверие и есть основополагающая составляющая любви. Мы вам умереть не дадим... мы вас сажать не хотим... мы вам не враги... Это были не просто словеса в рамках оперативной игры, а правда. Которую оценил Дмитрий Сергеевич, впоследствии повторявший: "Мои следователи стали моими друзьями, а Владимир Сергеевич Сорокин — вторым братом". Фактически они стали ему "близкими", когда после освобождения бывшие друзья и духовные дети его покинули, а некоторые шипели: "Лучше бы тебя убили!".

"Сломали", "обманули" ли его чекисты? Нет, успокоили, отрезвили, вылечили "горькими пилюлями" и подтолкнули к принятию правильного решения, чтобы дальше он мог идти уготованной ему путём. Освободившись от иллюзий, отойдя от политических игр, избавившись от мишуры. "Какая мне в том польза, что меня на весь мир хвалили, а оказался такой ничтожный и жалкий. Приобрести весь мир, чтоб все тебя хвалили (какой ты герой), а душе своей повердить!"

Так проходит душа мирская...

Приведём запись из тюремных дневников отца Димитрия: "Упорствовать в своей правоте — оказаться игрушкой в руках политических дельцов, быть подогреваемым ими на дело вражды и разделения. В политике есть ненависть и совсем мало понимания и абсолютно нет снисхождения.

Винить других (!), а не себя. Раздутьшись в своей гордости, можно и лопнуть".

Полгода в тюрьме "Лефортово" заставили отца Димитрия переосмыслить всю свою прежнюю жизнь. Они стали своеобразным переходным периодом, в котором были падение — смирение — самоосуждение и мучительное решение: жить по-другому, всё начать с нуля: примирившись с "гонителями", покаявшись перед теми, чьи ожидания обманул. Перерождение через страдания. Где главное — это то, на что он призван: служить Богу, пусть в самом захолустье, лишь бы служить! Оплёванным, затоптанным, покинутым, но быть в храме, стоять у престола и совершать литургию....

Позже, в 1986 году, в предисловии к книге "Верность в малом" отец Димитрий написал: "То, что было со мной: неожиданный взлёт — этого я не предвидел и, как теперь вижу, не смог с этим справиться — и падение с высоты, то есть позор, — этим Господь показал мне на смирение. Смирился не сразу. Теперь хочу остаться верным чему-то малому; все правы, один я виноват".

Каждому христианину даётся крест по силам, но вот взять нужно именно свой, не зарваться. Отец Димитрий рассуждал о том, как исправить ситуацию, если взялся за неподъемное, прельстившись: "Я, будучи на воле, и сам рвался, и других призывал к страданию. Но вот сейчас, по-настоящему оказавшись в страданиях (один на один с ними), я почувствовал своё бессилие и растерянность, пыл мой как будто выдохся, и до-вольно скоро я стал искать некоторого выхода из страданий... Я молил Бога помочь мне, научить, как и что делать.

Поворот оказался самым неожиданным. Тот путь, который я осуждал, сам избрал для прохождения. Представляю, какие упреки, осуждения посылаются на меня, когда я окажусь на воле. И, пожалуй, те страдания от упреков не легче будут страданий в заключении. К своим настоящим страданиям я шёл, спутствуемый друзьями и знакомыми, под пальбу всякой похвалы, а тогда под ношей тех страданий, может быть, придётся идти одинокому и покрытому позором бесславия... Падать с низкого места не так больно и не столько наносишь повреждений. Я падаю с высоты, на которую незаконно взобрался, и падение моё, как сказано в Евангелии, велико есть...

Взять крест — не каждый этого достоин, мученичество в Церкви — самый величайший подвиг. Но даже не все святые удавалось его, а кому только предназначал Бог. А я хотел дерзко взвалить на свои плечи крест и думал, что пронесу его. Когда земной царь... хотел во всём человеческом величии нести обнаруженный крест, на котором Христос был распят, он не сдвинул его с места. Так не сдвинул и я. Только когда скинул шкуру земной славы, царь смог нести крест. Вот мируш земной славы и я призван скинуть здесь в заключении, отвергнуться самого себя. И любить человека, кем бы и какой бы он ни был... Так что игра в политические идеалы — это не христианское дело. И даже не постесняюсь выразиться несвойственным мне языком: я был втянут в преступную игру. Вольно или невольнo, от этого не меняется сущность, христианское дело делается не так... Не случайно обо мне говорили, что я в прелести, — так это оказалось на самом деле. Рядовые верующие выше меня... Пастырь оказался ниже пасомых... Завидуя, хотим правды человеческой, своей: Бог, мол, опшбается, можем поправить. Так будут последние первыми и первые последними — вот приговор Божий, окончательный, бесповоротный. На Страшном суде каждый увидит, чего он достоин. Ибо много званых, а мало избранных. Быть избранным — это не то, что выбранным. Окружили тебя заботой, славой, кругом друзья, на всех смотришь свысока. Но кто бы ни были, мы все только позванные".

Приведённые цитаты помогают понять, как произошёл переворот в душе нашего "проповедника" и почему он решился пойти на признание своей вины перед "безбожной властью"... Дудко сделал правильный выбор, прислушавшись к интуиции, в очень запутанной ситуации, сложившейся из-за действия разнонаправленных политических сил.

А ТЕПЕРЬ ПЕРЕЙДЁМ к событию 20 июня 1980 года, которое разделило его жизнь на "до" и "после", а также сделало очень одиноким. Это публичное раскаяние.

Послушаем мнение критиков.

Как писал Оливер Буллоу в книге "Последний человек в России": "Судебный процесс только бы укрепил уникальное положение отца Димитрия среди верующих. "Исповедь", — подлинная или нет, — это пощёчина Западу, который громко протестовал против ареста отца Димитрия. Это также прямая удар по отдельным сторонникам отца Димитрия в Советском Союзе и Христианскому комитету защиты прав верующих в СССР, которые подчёркивали, что деятельность отца Димитрия носила чисто духовный, а не политический характер. (Тогда они должны были радоваться, а не клеимить как предатели отца Димитрия, который во всеуслышание заявил, что не будет впредь лезть в политику, а только молиться и заниматься тем, что и положено священнику, — спасать человеческие души. — Авт.). И в ту ночь, когда "Время" показывало, что он отказывается от дела всей своей жизни (от предыдущего периода — революционного, по сути, прелести, он открылся — "умер" для прошлого. — Авт.), печатные станки по всему Советскому Союзу выпускали "Известия", вторую газету после "Правды". Статья, которую он написал для неё, занимала всего четверть страницы. Но она получила отклик во всём мире. Это было доказательством капитуляции отца Димитрия. Под заголовком "Запад хочет сенсации" отец Димитрий спокойно и методично уничтожал себя" ("распался"), проходя личную Голгофу, чтобы "воскреснуть" и делать дальше — "проповедь через позор". — Авт.).

И ещё он извинился перед архиереями. Он сказал, что был не прав, читая им поучения, когда должен был слушать и повиноваться. Издавая книги за границы, он давал "богоспасия" врагам государства... Он отверг свою собственную газету. Он отверг написанные им книги. Он назвал конкретных иностранцев... он отверг их всех. "Теперь я понимаю, что иностранцы, вмешивающиеся в наши внутренние дела, не приносят ничего, кроме вреда". Он запретил дальнейшее издание своих книг. Он хотел полностью порвать с прошлым и начать всё снова, с нового обращения.

"Мы живём на Советской земле, — писал он в заключение, — и мы должны подчиняться законам нашей страны. Неповиновение её законам принесёт, прежде всего, вред нашей стране, разгонит наши внутренние силы и принесёт ненужные страдания... Сейчас, когда есть внешняя опасность, нам всем нужно объединиться и работать вместе с нашим правительством и нашим

народом, которые даны нам Богом и перед которыми мы все ответственные".

"Это был пропагандистский переворот для правительства почти беспрецедентного масштаба. Высокопоставленный диссидент призывал всех, кто выступал против правительства, прекратить борьбу и подчиниться приказам", — писал Оливер Буллоу.

Отца Димитрия освободили из тюрьмы 21 июня, на следующий день после его появления на экранах телевизоров. Общаться с иностранными журналистами он отказался, а через два дня сделал для этой публики заявление: "Оставьте меня в покое, перестаньте пытаться втянуть меня в какую-то политику, я всего лишь православный священник, причём на русской земле".

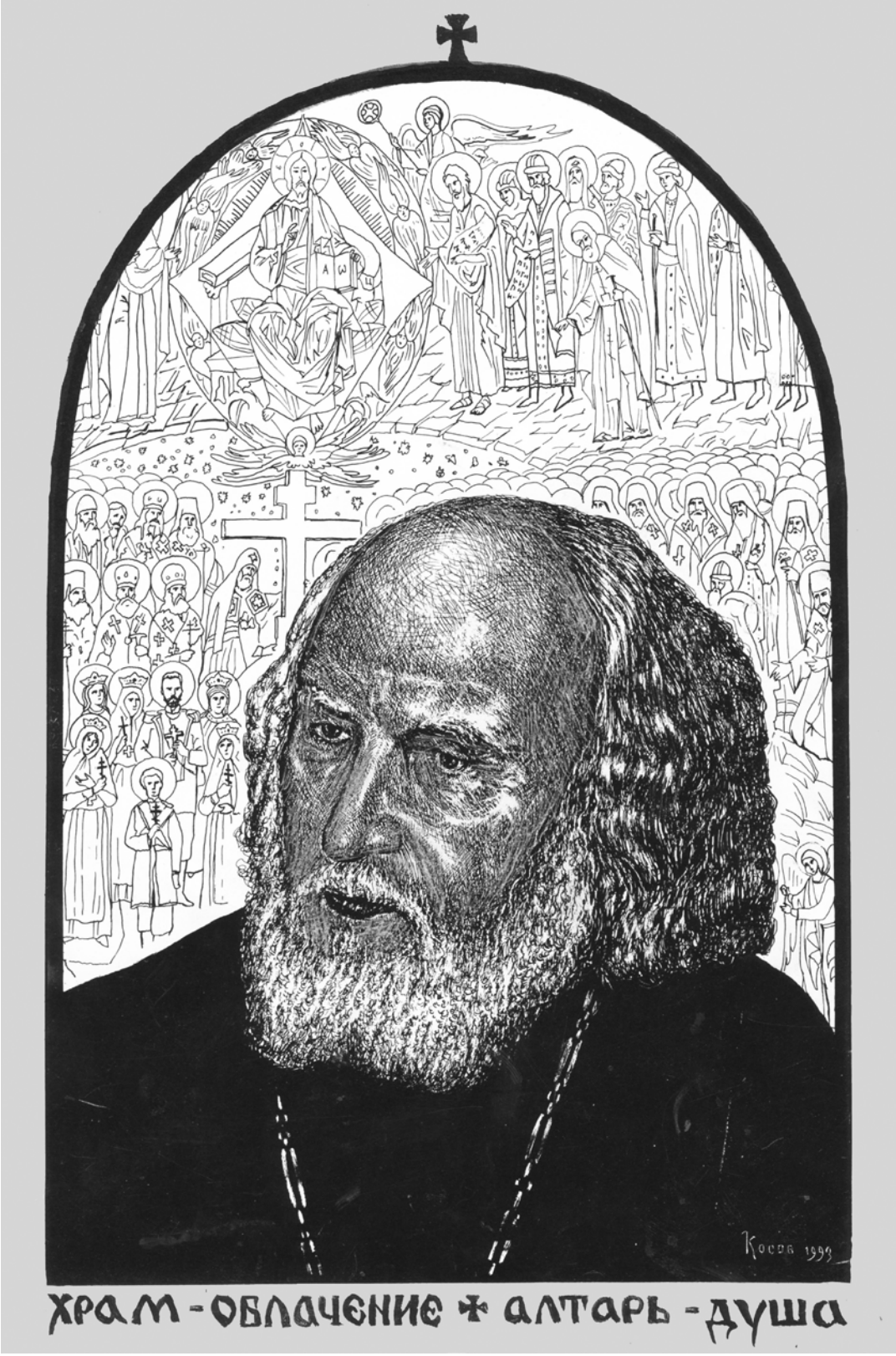
Впереди была новая жизнь — "с чистого листа".

ПРАКТИЧЕСКИ ВСЕ бывшие соратники и духовные дети покинули отца Димитрия. Кто-то посчитал его предателем, кто-то просто слабым человеком, но общаться дальше не видели смысла, никаких доводов отца Димитрия даже слышать не хотели. Его призывы примириться и объединиться, чтобы делать дело Божие, игнорировали. Никакой жалости от тех, у кого в голове непрестанно должна была звучать заповедь Христа: "блаженны милостивые..." Упавшего, оплёванного, признавшего, что "он один

а подтверждение. Опозорившись перед язычниками и неверующими, он сказал всему миру, что он верующий. Истинно верующий, а не напоказ; готовый исполнять волю Божию, какой бы она ни была, а не свою волю, какими бы правильными умозрительными идеями она ни подкреплялась и сколько бы народу ни готово было за неё головы сложить. Отца Димитрия поддержало в итоге немало достойных людей и в России, и за рубежом. Одним из них был "американец с русским сердцем" — иеромонах Серафим Роуз.

Вот выдержки из писем разных людей, которые можно найти в книге "Проповедь через позор": "Странное событие произошло вчера: выступление по телевидению о. Дудко и его покаяние. Вначале как будто ни глазам, ни ушам не поверил. Потом успокоился, и на кухне долетала до меня мысль, что это не простой шаг и, может быть, даже не капитуляция, а новая, добытая о. Дудко высота жизненного взгляда. Тогда радостно стало за него с этой благословенной мыслью".

"...Это было заявление, которое лишний раз подтвердило великую его веру в Творца. Но где же мы, которые ратовали раньше за него? Нет нас, мы разбежались, рассеялись, как прах, потому что и в вере, и в имени отца Димитрия искали развлечения, лёгкой славы, ими мы лишь старались подчеркнуть своё "я" — ан нет. Бог судил по-другому, и все эти жалкие политики в дураках, а осталась одна голая, непримиримая вера отца Димитрия, которая свергает горы и моря с их места и творит чудеса возрождения".

во всём виноват", не пожалели, руку помощи, в которой он так нуждался, не протянули. Это лишний раз доказывало, что они были больше политиками по сути своей, чем христианами. Для них, получается, Дудко вовсе не был духовным отцом, которым действительно дорожат, которого надо оберегать, а не делать из него "знамя" сопротивления пустой и безбожной, но власти, превращая тем самым в "расходный материал" в серьёзной чужой игре — игре циничных мировых негодяев, которым на самом деле плевать на чувства верующих, а так называемых диссидентов в массе своей они держали за "полезных идиотов", нужных им до времени. Что, наконец-то, им надо признать. И неплохо бы прислушаться к тому, что сказал несколько лет назад в одной из телепередач о "хозяевах мира": живущий в Америке правник Я.М. Свердлов "Вы никогда не будете им 'своими', что бы вы для них ни сделали". Никогда!

Некоторые, кто поумнее, не стали осуждать отца Димитрия (который, кстати, своё уже отсидел, и не в настолько комфортных условиях, что достались после заключённым диссидентам), расстроились, конечно, но не обиделись на всю жизнь: ну, не боец оказался, ну, дал слабину — и что?.. Да, несомненно, для так называемых единомышленников, сгруппировавшихся вокруг Дудко, это был сильный удар. Но он же появился перед ними, сам себя растоптал, причём признал виновным и в том, чего не совершал. А повинную голову, как говорится, и меч не сечёт. Поэтому тем более удивительно, что даже через 30 лет кое-кто так ничего и не понял, не простил, не отказался от своих претензий и при случае готов опять пнуть отца Димитрия: "Многие ушли и не вернулись, все говорили, что он сломался. И если он был сломлен, то не от Бога, потому что мученик не должен быть сломлен". Что тут скажешь? Бог им судья...

Один из учеников отца Димитрия, отец Александр, не покинул наставника в тот тяжёлый момент (низкий ему за это поклон!). Он поведal английскому журналисту: "Это было не падение,

"Изменение курса о. Дмитрием — это не легкомыслие, а итог длинной жизни опытного пастыря, хотя сам он стал сомневаться в своей опытности — из-за нас, кстати. Кто любит его, а любви милосердствует, долготерпит, должен идти за о. Дмитрием, что он и предложил своим детям. А кто упёрся в своём "мирском" понимании пастырского долга, того можно только пожалеть..."

"Вы встали на другой путь. Это путь тяжкий, самый тяжкий, какой только дан человеку. Не вмещается он в наши земные рамки, для нас неведом и непонятен, остаётся путь веры. Нам нужно в вас верить, абсолютно и безотчётно, а не вставать на путь сомнения, тем более осуждения, потому что этот путь уже от сатаны, испорченного, тёмного разума".

"Выйдя из заключения, о. Дмитрий протянул свои духовные и телесные руки к нам, духовным его детям. Но, к сожалению, не все отозвались, а наоборот, даже осудили. Духовные дети судят своего духовного отца — показатель того, что они не духовные, а поступили по плоти, по человеческим похотям".

Иной суд Божий, иной суд человеческий!..

ДУДКО ОСВОБОДИЛИ под "подписку о невыезде". Но дело его не закрыли, так что он оставался последственным ещё год. Как тяжёлые были первые шаги новой жизни, которые пришлось проделывать "павшему с высоты" пастырю, ещё недавно купающемуся в славе, проделывать в одиночестве, зато под надзором органов — с одной стороны, и под ненавистными взглядами и пересудами некогда бывших с ним — с другой.

Он сравнил свою ситуацию с гонениями на патриарха Тихона, который признал себя "контрреволюционером", но при этом не благословил белых, не стал "мучеником" в борьбе против советской власти, а отдал всё жертвенному служению по спасению Церкви русской от разгрома богборцами. По сути, он "предал" белых, объявив

о своей лояльности новой власти — красным, но прославлен. А отца Димитрия за такой же поступок гонят, презирают, желают смерти, свои желают! Обидно, очень обидно было отцу Димитрию, но он решил всех простить и брать пример с патриарха Тихона, который в своё время на предложение одного пылкого священника пойти и "умереть за Христа" ответил мудро. Он сказал, что умереть-то сейчас очень легко, а вот надобно нам научиться, как жить и работать в этих тяжелейших условиях.

По-новому взглянул отец Димитрий и на продолжателя дела патриарха Тихона митрополита (впоследствии патриарха) Сергия Страгородского, которого до сих пор поносят за его Декларацию, "пресмыкательство перед Сталиным" и т. д. А ведь это был подвижник ничуть не меньше патриарха Тихона, который умело "провёл церковный корабль через штормующее море", "с мудростью змеиной и кротостью голубиной". "Сергиянство в церкви, — писал отец Димитрий, — это не ересь, а метод делания". Отец Димитрий полагал, что когда-нибудь придёт время, и патриарха Сергия канонизируют.

Кто больше всех оклеветан, тот, может быть, больше всех прав, не раз говорил отец Димитрий. И добавлял, что на самом деле святых гораздо больше, чем прославлено Церковью...

"В 80-е годы, — написал в своей книге Оливер Буллоу, — отец Димитрий терпеливо трудился над тем, чтобы собрать группу духовных детей. Он так и не восстановил своё положение мятехника и звезды средств массовой информации (так он к этому и не стремился в своей "новой" жизни. — Авт.), но сохранил свою страсть к проповеди, и небольшая группа молодых мужчин и женщин со временем снова собралась вокруг него". Что тут скажешь? Священнику и не положено быть "поп-звездой", тем более — "мятежником".

Я ПРИШЁЛ к отцу Димитрию в 1999 году и, что вполне естественно, не знал, каким он был до 1980 года... Свидетельствую, что никогда не видел отца Димитрия "недовольным, депрессивным, подавленным", как писал о нём британский журналист, а наоборот — жизнерадостным, всем интересующимся, добрым и ироничным, с очень живым умом и всегда готовым на какое-либо дело, невзирая на свой почтенный возраст. А то, что скрытным стал, тоже хорошо: жизнь дала ему жестокий урок, и он "запахнул" свою душу. К тому же после "Голгофы" отец Димитрий стал чётко следовать поучению преподобного Серафима Саровского: становись другом многим, но тайну открывай одному из тысячи. Уверен, что я не один такой, у кого с отцом Дмитрием была своя "тайна". Он сам был "делатель" и терпеливо высискавал "делателей", ибо "нивы побелели и жатва скоро". Он утвердил это постоянно! И он был востребован, но не как раньше, а в другом качестве. Одно его духовных детей газет "День" и "Завтра" чего стоило! Но Буллоу это коробило: связался, мол, отец Димитрий с "красно-коричневыми" и стал сам "крайне правым".

А в октябре 1993 года не должен был оставаться с прохановской газетой, которая поддерживала защитников Белого дома и клеймила Ельцина и К°. А ведь именно тогда была убита демократия, а впоследствии мы наблюдали только её имитацию.

Дудко же был очень доволен, что стал духовником газеты "День/Завтра" и оставался таковым до конца своих дней. Вот цитата из его реплики от 31.05.1993: "А почему ты духовник газеты "День"? — послышалось зловещее шипение. "Потому что в газете "День" живые люди, они кричат, когда их бьют. Ведь никого не судят столько, сколько "День".

Да, я даже понимаю, что не такие слова бы нужно говорить, но как скажешь такие, когда трудно от боли. И поверьте, непогрешимый бесчужденный вид в лучшем случае — фарисейство, в худшем — змеиная злоба антихриста, и потому я духовник газеты "День". И просьба А. Проханова, главного редактора: "Дорогой о. Димитрий, молитесь за нас", приписка "из зала суда" — это для меня незабываемая просьба. Это "игра с огнём", который всё очищает и зажигает на всякое добро".

"НЕ ВСЯКИЙ встречный есть русский. Русский, если на то пошло, некая таинственность. По внешнему виду его определить нельзя, он всегда будет загадкой" (о. Димитрий Дудко. "Как ходить по лезвиям и не обрезаться"). Кажется, мы поняли, в чём загадка феномена русского человека, православного священника Дудко. Да, он был возвышен и "пал", обвинён и признал вину, через публичное покаяние примирился с гонителями, пойдя на компромисс, и получил "заушения" и презрение от своих. Смирился и стал тихо делать своё священническое дело и писать книги. Стал духовником оппозиционной газеты "Завтра" и пытался "через спасение каждого человека спасти всех".

Но ведь это не всё, была же в нём какая-то тайна — в чём она? И вдруг осенило: ведь часто то, что пытаются сохранить от злоумышленников, кладут на самом видном месте, поэтому на это никто и не обращает внимания. Так и мы не обращали внимания на один момент, не считая, что он может быть главным.

Батюшку Димитрия после освобождения из "Лефортова" не только отвергли, но и "упавшего били", топтали все, кому не лень, — долго и упорно. Топтали так, что "втопали в землю", и он "укоренился" в русской почве, став исконно русским. И не просто "укоренился", а "прос-рос", но при этом не "вывыс" пошёл, а "вглубь". И открылись ему глубины "загадочной" русской души, что он и отразил в своих книгах. Мы вдруг сами увидели то, что, видимо, до конца не осознавал сам отец Димитрий. А суть в том, что он стал добрым пастырем не "первых" — "верхов", а "последних" — "низов". Иными словами, он фактически являлся поводом "глубинного народа", поводырь той внешне неприметной части русского народа, которую так ненавидят все слуги "глубинного государства", какой бы национальностью они ни были, кого бы ни изборажали, какие бы "сладкие песни" ни пели...

А закончить можно важной мыслью из книги отца Димитрия Дудко "Перестройка, или Квадратный корень числа": "Говорят, всё продается и покупается, нет честных сил... Не верьте этому, Господь сохраняет Своих людей, и, если вы любите Россию, дерзайте, победа будет за Вами. А не за теми, кто кричит на всех перекрёстках.

Миром правит Бог, в этом ни на минуту не сомневайтесь".

* британское СМИ, заблокированное в России

** американское СМИ, признанное иноагентом в России

Алексей ОГОРОДНИКОВ

Иллюстрация: Портрет отца Димитрия Дудко. Художник Михаил Косов

Газетный вариант. Полностью — на сайте zavtra.ru

ДЕНЬ-ЦЕНТР приглашает

26 июня (среда) в "День-центре" состоится встреча с историком спецслужб Александром КОЛПАКИДИ.

Цикл передач: Роль Сталинского СМЕРШа в Победе
Начало в 19:00, просьба приходить несколько заранее!

27 июня (четверг) в "День-центре" состоится встреча с историком, публицистом, директором Института системно-стратегического анализа, членом Союза писателей России, академиком Международной академии наук (Австрия) Андреем ФУРСОВЫМ и российским политологом,

историком и публицистом, специалистом по новейшей истории Балкан и "цветным революциям" Еленой ПОНОМАРЕВОЙ.

Тема: "Балканы — зона мировой борьбы: игры и фигуры!"
Начало в 16:00, просьба приходить несколько заранее!

28 июня (пятница) в "День-центре" состоится встреча с советским и российским писателем, историком, кандидатом исторических наук Юрием ЕМЕЛЬЯНОВЫМ.

Цикл лекций: "Досье на Хрущёва".
3-я лекция
Начало в 13:00, просьба приходить несколько заранее!

28 июня (пятница) в "День-центре" состоится встреча с ведущим российским военным аналитиком и экспертом Константином СИВКОВЫМ.

Цикл встреч: Актуальные события
Военный аналитик ответит на вопросы наших зрителей

Начало в 15:00, просьба приходить несколько заранее.

30 июня (воскресенье) в "День-центре" состоится встреча с российским вирусологом, историком, публицистом и энциклопедически образованным человеком Фёдором ЛИСИЦНЫМ.

Тема встречи: "Витамины". 5-я лекция.
Начало в 13:00, просьба приходить несколько заранее.

Адрес: г. Москва, ул. Коровий Вал, 1А, стр. 1, ТЦ "Добрынинский", 3-й этаж (одна минута пешком от станции метро "Добрынинская").

Регистрация на встречи — на сайте ДЕНЬМАГАЗИН.РФ или по телефону: 8-499-350-17-79. Зарегистрироваться также можно перед началом встречи непосредственно в зале День-центра. Внимание! Взаюдсёмка на мероприятиях запрещена.